

После диктанта

ГОД РУССКОГО языка приближается к своей вершине – Дням славянской письменности и культуры. Наш внештатный корреспондент Олег Шевцов беседует с заведующей кафедрой русского языка и методики преподавания БелГУ, доктором филологических наук Верой Константиновной Харченко.

О. Ш.: Не так давно не только студенческий, но даже преподавательский корпус БелГУ был подвергнут грозному орфографическому мониторингу. Каково ваше мнение о проведении «ректорского диктанта»? Потом я спрошу и о результатах.

В. Х.: Когда мы услышали о такой проверке, первая реакция (и у меня тоже!) была – страх. Мероприятие новое, общеуниверситетское, как отнесутся сами участники, как проводить, как оценивать... Вопросы multiplied, но семена ответов таятся в глубине самого делания. Что-то начинаешь предпринимать – и кое-что проясняется в голове. Страх сменился ответственностью: впервые то, чем занимается кафедра и филологический факультет, было поднято как знамя, как знак национальной культуры, как нечто такое, что нас, говорящих на русском языке, объединяет пожизненно. Впервые на повестке дня – родной язык со всеми его правилами и атрибутами. Вот честь, оказываемая родному и одновременно государственному языку: все отложили свои дела, собрались и пишут под диктовку... Нередко слышалось: «Последний диктант я писал(а) 40, (50) лет назад...».

О. Ш.: Что-то еще комментировали?

В. Х.: О, звучало, например: «Не торопитесь! Как же я теперь понимаю студентов!» Еще больше меня трогали «постдиктантные» признания: «Как здорово! Это как праздник!», «Интересно было себя проверить!». Или такой диалог: «У вас совсем нет ошибок!» – «Не может быть!»

О. Ш.: Тексты вы брали из сборников диктантов?

В. Х.: И да, и нет. Для филологов – из сборников, а, например, для студентов-нефилологов был составлен текст по «Письмам о добром и прекрасном» Д. С. Лихачева. Дмитрий Сергеевич умел очень тонко мыслить, и в год 100-летия со дня рождения выдающегося филолога хотелось познакомить студентов с этой школой мышления. Вот пример развития ценностной модели: сначала хорошие, высокие слова о человечности, потом целый абзац о том, что и себя не надо забывать (плох тот, кто кичится альтруизмом), а в конце текста – мысль, что главное только тогда и работает, когда не выпячивается как главное. Я грубовато пересказала сейчас, но это так.

О. Ш.: И всё-таки – результаты? Я знаю, что они «для личного пользования», вы соблюдали принцип конфиденциальности. И тем не менее...

В. Х.: Преподаватели подтвердили свою грамотность. Конечно, были и проблемные работы, но в целом на каждом факультете (на каждом!) есть значительная когорта специалистов, обладающих абсолютной грамотностью и грамотностью, приближающейся к абсолютной. Вместе с тем диктант обнаружил и немало случаев личной неуверенности, когда правильное исправлялось на неправильное, причем едва ли не по всему тексту. Важно было сообщить об этом «автору» зачеркиваний. Все очень переживали за результаты. Это у нас, русских, с детства вживлено в сознание: человек должен быть грамотным! Во всяком случае, диктант заставил внутренне подтянуться.

О. Ш.: И студентов? Они тоже подтвердили уровень?

В. Х.: О нет! О студентах так не скажешь. «Ректорский диктант» как раз и показал, что «по русскому языку» нужно принимать меры, даже если воспоминание о «ча и ща» не заложено в государственных стандартах. Думаю, придется (вопреки программе и понимая, что это нарушение, крамола) значительную часть занятий по предмету «русский язык и культура

речи» посвящать элементарному ликбезу, чтобы помочь молодому сознанию, напомнить, подсказать, заставить выучить, что как пишется.

О. Ш.: Но ведь масса спорных случаев! Мы, журналисты, постоянно консультируемся по справочникам и друг у друга.

В. Х.: Не только в орфографии, но и в ней тоже есть ядро (всё, что бесспорно!) и есть периферия. В «ректорском диктанте» ошибки фиксировались только в тех случаях, когда это была действительно ошибка (не авторский вариант), чем и полезно проведение именно диктанта как жанра высочайшего уважения к правилам. Знаете, что было самым печальным в неделю проведения? Когда один преподаватель (а может, и не один?), отправляясь на диктант, сказал студентам: зачем нас проверять, если компьютер все равно все исправляет? Но ведь по жизни мы просто вынуждены становиться гениальнее любого компьютера.

О. Ш.: А как сами вы относитесь к реформе орфографии?

В. Х.: Нам не то что запрещено, но не рекомендовано говорить о реформе, и вот почему. Падение редуцированных – это XIV век, а отказались от «Ъ» и «Ь» только через пять веков, в 1918 году, и то весьма своеобразно: Феликс Эдмундович вызывал директора типографии, а на столе красовался револьвер. Тогда под угрозой чуть ли не расстрела быстро все реформировали. Спокойнее пережили более позднюю реформу, когда, например, разрешили писать приставки на согласный так, «как слышится»: безрезультатный, но беспробудный. Сейчас не та ситуация, чтобы «убухать» столько средств, всех переучить, все словари переиздать, тем более сам язык весьма динамичен, он всегда будет опережать правила и подносить новые сюрпризы хотя бы по написанию новозаимствованных слов. Так стоит ли? Кого хорошо учили, тот выучивается.

О. Ш.: А говорят, что если до 14 лет не усвоишь...

В. Х.: Пока человек жив – ничего не поздно! За свой первый диктант в институте я получила двойку, хотя окончила школу с серебряной медалью и вроде бы считалась «грамотной». Но в том вузе, куда я поступила,

требования были весьма серьезными. На практикум по программе отводилось немного: два занятия в неделю, но за год тогда нас всех здорово подтянули. Помню, один и тот же словарный диктант мы писали по пять-шесть раз.

О. Ш.: А к букве «Ё» как вы относитесь?

В.Х.: Положительно! Хотя чувствую, что внутри придется перестраиваться: долгие годы массированного чтения (наше поколение читало много) отучили «глаза» от этой буквы, но хорошо, что права «Ё» восстановлены. Во-первых, смысл прозрачнее: все и всё, например. А. И. Солженицын многоаспектно несколько лет назад объяснял это в одной из своих публикаций. Во-вторых, чисто графическое разнообразие оно ведь тоже привлекательно. Посмотрите на алфавиты других языков. Разнообразие – это вообще запас хода, запас прочности, запас содержания, запас эстетики! Не согласны, Олег Леонидович?

О. Ш.: Можно просто Олег!

В. Х.: А мне сейчас особенно дороги наши отчества! Так не хочется в подражание Западу переходить на голое имя. У нас есть целые профессии без отчеств, причем не только творческие. Вот лаборант кафедры или секретарь. До пенсии Валя, Валечка или всё-таки дома Валя, а на работе Валентина Ивановна?

О. Ш.: Во время диктанта, говорят, вы цифры просили писать словами? Это тоже для разнообразия?

В. Х.: А вы не смейтесь. Если человек хотя бы раз в год напишет: пятьюдесятью семью рублями, то, может быть, мы не будем в устных своих высказываниях, отчетных докладах катастрофически терять прелестное по своим формам склонение имен числительных, ведь сейчас даже дети в школе иногда говорят: от пять отнять три.

О. Ш.: Вы были строги при проведении экзамена и проверке?

В. Х.: Некоторые пришли с копиркой, фотоаппаратом, кто-то заботливо разместил диктант на сайте, и мне пришлось срочно составлять аналоги

диктантов по степени трудности. В любом преподавателе жив вчерашний студент, но ведь без этого вообще нет преподавания. Но в то же время в участниках общеуниверситетской акции чувствовалась жажда честного конкурса, по которому (по которым!) мы все голодаем. Строго говоря, повышенная строгость и не требовалась: «по когтям узнаю льва». Человек грамотно пишет, но вдруг пропускает запятую перед «который» или не видит деепричастного оборота. Такую грамотность близкой к абсолютной уже не назовешь. А что касается строгости, то строго выдерживался принцип индивидуальности комментария и конфиденциальности результатов.

О. Ш.: А что будет с теми, кто не писал?

В. Х.: Мне этот вопрос часто задавали, но я до сих пор не знаю, как на него отвечать. По большому счету, явка на диктант – это уже вопрос внутривузовской дисциплины и высочайшего внутреннего уважения к своим коллегам. Мне понравилась позиция деканов. Поначалу я было предложила руководителям факультетов самим не писать, только помочь с организацией, но эти люди за редким исключением сами приходили, садились и писали, то есть вели себя как настоящие руководители.

Год русского языка продолжается! Впереди много интересных мероприятий, но, наверное, хорошо, что ознаменован он еще и таким мощным орфографическим зеркалом, как общеуниверситетский, ректорский диктант.